ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

DOI – 10.32743/UniSoc.2023.92.1.14929

ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ «ВТОРЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ МЫШЛЕНИЯ» В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА И ПОНЯТИЕМ «ЯКИН» В ИСЛАМЕ

Абибулла Мумджи Асанович
студент (MA),
Университет Девятого сентября,
Республика Турция, г. Измир
E-mail: abibullamumdzhi@yandex.com

Касым Муминоглу
доц.,
Университет Девятого сентября,
Республика Турция, г. Измир
E-mail: kasim.muminoglu@deu.edu.tr

A PARALLEL BETWEEN THE “SECOND DIMENSION OF REASON' IN LEV SHESTOV'S PHILOSOPHY AND THE CONCEPT OF “YAQEEN” IN ISLAM

Abibulla Mumdzhi
Student (MA),
Dokuz Eylül University,
Republic of Turkiye, Izmir

Kasim Muminoglu
Associate professor,
Dokuz Eylül University,
Republic of Turkiye, Izmir

АННОТАЦИЯ

Основной лейтмотив трудов Шестова – освобождение человека от рационалистических и позитивистских ограничений разума в сфере веры. Шестов искал и боролся за веру, не знающую сомнений и оглядок на разум. В Исламской традиции «якин» – это вера, лишенная сомнений и оглядок на разум. Цель данной работы – провести параллель между исламским понятием «якин» и «вторым измерением мышления» Шестова.

ABSTRACT

The main leitmotif of Shestov's writings is the liberation of man from the rationalist and positivist limitations of reason in the realm of faith. Shestov sought and fought for a faith that knows no doubt and no regard for reason. In the Islamic tradition, “yaqeen” is a faith devoid of doubt and the hindsight of reason. The purpose of this paper is to draw a parallel between the Islamic concept of “yaqeen” and Shestov's “second dimension of thinking”.

Ключевые слова: Шестов, вера, Бог, свобода, якин.
Keywords: Shestov, faith, God, freedom, yaqeen.

I.

При всех внутренних значительных различиях авраамические религии объединены общими темами: благо человека, Бог, ангелы, пророки и День Воздаяния. В авраамических религиях онтологически человек не всего лишь детерминизированный набор инстинктов, обусловленный дезоксирибонуклеиновой кислотой, а субъект. Человек волен принять или отвергнуть свой религиозный долг, волен искать смысл и интерпретировать Писание. Упрощенный взгляд на авраамические религии подразумевает, что верующий является заложником религиозных доктрин. Здесь мы предложим взглянуть на картину мира вне религиозных учений. Выйдя за границы религиозных доктрин, мы обнаруживаем механический материальный мир, лишенный чего-то высшего. Аномия и ощущение нехватки чего-то важного сжигает людские сердца, ибо метафизические потребности не утолить всевозможными суррогатами консьюмеризма. Без метафизики остается только физика, только материя,

Библиографическое описание: Мумджи А.А., Касым М. ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ «ВТОРЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ МЫШЛЕНИЯ» В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА И ПОНЯТИЕМ «ЯКИН» В ИСЛАМЕ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2023. 1(92). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/14929*

которая не слышит нас и не понимает. Она безжизненна, пуста и холодна. Именно религиозная вера и метафизика наделяют эту безжизненную материю, этот холодный dead space (пустое пространство / безжизненное пространство) смыслом.

Христианские, иудейские, мусульманские философы и теологи разрабатывали логические доводы необходимости существования Бога, изучали проблему зла, проблему свободы воли человека, добродетели, разумного замысла, природу и происхождение человеческого ума. Имеется достаточная почва для сравнения философских концепций христианства, ислама и иудаизма. Уместно ли сравнивать и искать параллели между философией Шестова и исламской мыслью и традицией? Мы полагаем, что уместно. Проблема зла, первородный грех, свобода человека, конфликт разума и веры рассматриваются Шестовым через призму иудохристианской традиции. В своей борьбе против рационализации веры Шестов стремится отстоять онтологическую идеалистичность людей. Другими словами, Шестов отстаивает объективный идеализм [4, с. 7].

Мы абсолютно согласны со словами Шестова, что философия есть борьба, а не любопытствующая оглядка [6, с. 25]. В эпоху глобализации позитивизм и его производные, такие как атеизм и консьюмеризм, атакуют религиозную веру и идеалы, сопровождая это действо какофонией об ущербности прошлых идей и порядков. Кто-то возразит: «И что в этом плохого? Зачем нам вера и устаревшие порядки?» За позитивизацией человеческой онтологии, возможно, последует и постгуманизация. В постгуманистической парадигме веру, Бога, национальную и половую идентичность, самого человека и его свободу принесут в жертву порядку Ананке (рационалистическому и позитивистскому порядку). В новом мире не человеку будет служить разум, а человек – разуму. Если разуму будет угодно, человечество лишат плоти и крови. Останется сознание, переведенное в двоичный код и загруженное на самообслуживающиеся серверы. Да и останется ли сознание? Останется ли человек [5, с. 48–49]?

Исламская (Коран 95:4) и иудохристианская традиция осмысляет человека как прекрасное творение Господа. Для позитивистского разума и постгуманизма люди лишь детерминизированные биороботы.

Не защищающий онтологическое достоинство человека разум опасен для людей. Именно разум стремится подчинить все мироздание своей воле. Что, если вместо подчинения мироздания разум приведет нас к самоуничтожению? Сценариев самоуничтожения человечества бесчисленное множество: техногенные катастрофы, биологическое оружие или искусственный интеллект, решивший уничтожить создателей. Все перечисленные сценарии объединены происхождением научного прогресса в **секулярном** мире. За фасадом прогресса, терпимости и высоких технологий может скрываться аномия, одиночество (и это в мире, где существуют «Инстаграм» (социальная сеть, запрещенная на территории РФ, как продукт организации Meta, признанной экстремистской – прим.ред.) и «Тиндер»), нищета, дофаминовая зависимость от интернета, деградация человеческой духовности и веры и как итог дегуманизация человека. Деградация является частью эволюции и прогресса. Все, что не ведет к размножению, отсекается. «Inside doesn't matter» («Внутри неважно что») Патрика Бейтмена блестяще описывает положение дел: достаточно иметь ресурсы и выглядеть привлекательно, а наполнение и духовные качества не имеют глубокого значения в мире победившего антиидеализма и рационализма. Религиозным пуританам и искателям идеалистических истин места в секулярном позитивистском прогрессе быть не может. Размышления о высоком, вера и идеализм есть преграда на пути прогресса. А может ли быть, что за технологическим прогрессом следует духовная деградация?

Самые многочисленные обитатели Земли – это микробы и насекомые. Их задача – питаться и размножаться. Если лишить людей Бога и метафизики, что у нас останется? Питание, размножение и простейшие формы гедонизма. Быть может, способность верить и есть наше главное отличие от животных. Ведь обезьяны тоже имеют разум. И способны пользоваться «Инстаграмом» (социальная сеть, запрещенная на территории РФ, как продукт организации Meta, признанной экстремистской – прим.ред.) [1].

Чтобы не допустить падения человека до уровня простейших, теологи и философы вынуждены искать новые смыслы и упреждать опасность, исходящую от позитивизма и постгуманизма. Религии и божества на протяжении истории имели ведущую роль в жизни человечества. Возможно, это был божественный или эволюционный механизм самозащиты от самоуничтожения вида через слепой и фанатичный рационализм? Гипотеза темного леса Лю Цысиня, великий фильтр Хенсонома вынуждают нас с большей осторожностью подходить к позитивизму и прогрессу. Что, если преодоление религиозных учений, распространение позитивизма и является точкой невозврата для разумной жизни? Что если «убийство Бога» запускает механизм самоуничтожения вида?

Одним из возможных решений парадокса Ферми (или дополнение к парадоксу Ферми и фильтру Хенсонома) является предложенная нами гипотеза религиозного или божественного фильтра[1]. Суть божественного фильтра заключена в некотором антипрогрессивизме. Если брать во внимание неоспоримейшую пользу технического и научного прогресса, такие изобретения, как нанороботы, открытие термоядерного синтеза, попытка создания черных дыр и поиски внеземной жизни, могут погубить нас. Возможно, что религия (и религиозный фанатизм и невежество) была предохранителем от опасного для нашего вида научного прогресса. Возможно, что именно секуляризация открывает ящик Пандоры

[1] *Божественный фильтр впервые упоминается нами в этой работе. В последующих статьях мы продолжим аргументацию нашей концепции.*

прогресса. На наш взгляд, божественный фильтр является достойным дополнением в контексте борьбы разума и веры. Возможно, что в разумной жизни следует довольствоваться молитвой и Писанием, а не стремиться стать цивилизацией третьего уровня по шкале Кардашева. Если предположить, что именно феномен разума и есть то, что губит разумную жизнь во Вселенной, то библейское и шестовское «знание есть грех» [6, с. 208] не кажется столь беспочвенным.

II.

Религиозный экзистенциалист Лев Шестов в большинстве трудов критически оценивал влияние рационализма и позитивизма на веру. В последнем произведении «Афины и Иерусалим» Шестов заключает, что разум и разумные доводы не укрепляют, а лишь отдаляют людей от Бога. Разумное и рационалистическое начало человека Шестов называет афинами, отсылая к древнегреческим философам Аристотелю, Анаксимандру, Фалесу, Эпиктету и их стремлению объяснить мироздание через «порядок Ананке», «логос» и «архэ» [7, с. 5–9, 18, 168]. В человеке помимо рационального начала есть и метафизическое, готовое уверовать. Шестов описывал веру, лишенную излишних раздумий, рационализаций и полную покорности Слову Божьему городом Иерусалимом. Между Иерусалимом и Афинами; между верой и разумом примирение невозможно. Разум всегда будет греховным началом и соблазном [6, с. 207–209], обещающим объяснить и подчинить мироздание человеку. Доверившийся разуму в вопросах метафизики не подчинит мир и не разгадает тайн веры. Он лишь лишится свободы в физике и метафизике: его разум, подобно Аристотелю, скажет, что «ἀνάγκη στηναι» («нужно остановиться») [6, с. 55] и «ἀνάγκη αμετάπειστόν τι ειναι» («необходимость не слушает убеждений») [там же, с. 47]. Другими словами, разум постарается убедить, что нужно отказаться от метафизики и покориться позитивистской и атеистической парадигме. Нужно согласиться, что пророки были душевно больными, а писания написаны людьми. Нужно спуститься по онтологической лестнице на уровень обезьяны (с интернетом). Сначала разум убил веру в Бога. Следом и человека. Отдавая метафизику на растерзание разуму, мы подписываем себе приговор. Смертный.

Если жизненные трагедии не подтолкнут индивида к «прыжку веры», то он проживет, так и не выйдя за черту, проведенную разумом и Ананке. Желающий свободы должен быть готов бросить вызов разуму и порядку Ананке. Иначе свободы не получить. Иначе не сохранить религиозную веру и, соответственно, свободу, дарованную верой.

III.

В философии Шестова особое место уделяется проблеме всемогущества Бога [6, с. 15, 19]. Всемогущество Бога опутано тайной, божественное «доброе зело» прекрасно. Попытки рационализировать «доброе зело» лишают людей свободы, дарованной верой, так как вместо разгадки божественного всемогущества мы лишь становимся заложниками всевозможных рациональных концепций. Рассматривать Бога с этических позиций неверно: наше понимание добра и зла есть порождение грехопадения и разума [там же, с. 207–211].

«Никто, даже и в Средние века, как и в наше время, не решался допустить, что библейское “добро зело” соответствовало действительности, что сотворенный Богом мир не имел недостатков. Того больше: можно сказать, что философия Средневековья, даже философия Отцов Церкви, философия людей, усвоивших себе эллинскую культуру, мыслила и хотела мыслить “под знаком вечности или необходимости”» [6, с. 19].

«Под знаком вечности и необходимости» означает подчинившись разуму, позитивизму и науке во всех сферах (в том числе и в метафизике).

Философия и теодицеи создают и отстаивают образ «Бога философов», а не Бога Авраама и Писания. Истинный Бог – «Бог как Произвол» Фейербаха, вера в которого дарует свободу человеку [2, с. 83], и «несдержанный и беспорядочный произвол» Дунс Скота [6, с. 248]. Вера в свободного от рационалистических и моральных ограничений Бога дарует человеку свободу. Невозможное для рационального мышления является возможным для религиозного мышления. Веру и религиозное мышление Шестов назвал **«вторым измерением мышления»**. Шестов делает акцент на иррациональную, загадочную и мистическую составляющую феномена веры [там же, с. 195, 351–353]. Покорность Богу и Писанию дарует человеку свободу, выходящую за пределы рационального мышления. Индивид осмысляет себя как субъект, способный посредством веры и молитвы бросить вызов законам мироздания.

IV.

В философии Льва Шестова вера выступает феноменом, освобождающим человека от страха и безнадежности. Причина страха и безнадежности, с которой сталкивается индивид, – излишняя рационализация и отвержение иррациональной составляющей собственной экзистенции. Причина страданий – в стремлении понимать человеческое бытие исключительно через позитивистскую и рационалистическую призму. Позитивизм и ratio стремятся подчинить, а позже и отвергнуть метафизическую составляющую человеческой экзистенции. Разум стремится подчинить все единому всеобъемлющему закону мироздания. «Ἀνάγκη αμετάπειστόν τι ειναι» («необходимость не слушает убеждений») Аристотеля [6, с. 47], порицание и угрозы стоика Эпиктета попыток выйти за пределы разума и разумной модели мира [там же, с. 45] являются примерами порабощения индивида ratio. Античные мудрецы наделили разум и рациональный взгляд на мир абсолютной властью. Мудрецы прошлого и модерна разуму и точным наукам даровали титул «вечной истины» [8, с. 18]. Эпиктет и другие мудрецы полагали, что за попытку выйти за пределы разума и логических норм индивида будет ожидать кара. Шестов полагал, что ничего страшного не случится с индивидом, решившимся уверовать. Угрозы

Эпиктета не распространяются на сферу метафизики. Напротив, человек обретет свободу от пленящих и ограничивающих установок разума. Если бы не страх и покорность по отношению к разуму, рациональному взгляду на мир и этику, Сократ бы не испил яда цикуты. Каждый человек в каком-то смысле напоминает Сократа: перед нами есть выбор – сделать шаг за границы разума или закончить как Сократ.

«Мы помним, что все, истолковавшие сказание о грехопадении, понимали грех нашего праотца как ослушание: Адам захотел себе “свободы”, отказался повиноваться. На самом деле произошло **обратное**: вкусив от плодов познания, человек утратил свободу, с которой он вышел из рук Творца, и стал данником и рабом “вечных истин”» [6, с. 262].

Под вечными истинами Шестов понимает неизменные законы логики и разума. Логика, разум и позитивистски-эмпирический взгляд на жизнь и мир пленяют индивида. В глазах индивида мироздание приобретает **детерминистический** оттенок. Обязательные, необходимые законы разума и логики Шестов описывает, отсылая к древнегреческой богине необходимости Ἀνάγκη Ананке. Именно Ананке окрашивает мир детерминистическими и безнадежными красками.

В результате эллинизации христианства вера и писание стали рассматриваться с рационалистических, а позже позитивистских и эмпиристических позиций. Христиане пришли от покорного «Credo quia absurdum est» («Верую, ибо абсурдно») к «Credo ut intelligam» («Верую, чтобы знать»). Люди исказили веру в абсолютное всемогущество Бога. Всемогущий Бог стал ограничен теодицеями: «Согласно Шестову, философы ограничивают всемогущество Бога, потому что хотят считать Бога “добрым”, потому что они хотят снять с Него ответственность за мировое зло, за страдания людей» [2, с. 186]. Философы отошли от иерусалимовской покорности Богу и пришли к платоновскому «νόμος πάντων θνητῶν καὶ ἀθανάτων βασιλεύς» («**закон – царь над всеми** смертными и **бессмертными**») [6, с. 91]. Мыслители теодицеями ограничили абсурдное, находящееся за границами человеческого понимания всемогущество Бога, описываемое Шестовым словами Дунс Скота как божественный schlechthinnige und regellose Willkur (несдержанный и беспорядочный произвол) [там же, с. 248]. Разум и Ананке, прикрываясь необходимостью защиты веры, провозгласили августиновское «Верую, чтобы понимать» религиозной основой. Христианские мыслители оказались заложниками Ананке и приняли эту основу, теряя из виду, что вера полна абсурда, иррациональности, таинства и подчинения воле Бога. Шестов пишет: «Да и сам Филон, приобщившись эллинской культуре, **уж не мог принимать Писания, не проверяя его теми критериями, по которым греки научили его отличать истину от лжи»** [там же, с. 230]. Шестов критикует Филона Александрийского, Климента Александрийского и других философов за эллинизацию и попытку рационализации иррационального и полного абсурда слова Божьего [там же, с. 274, 276].

«Разница между тем, что говорит Декарт и Дамиани, ясна: Декарт даже в письмах своих боится оскорбить разум – quam aram parabit sibi qui rationis majestatem laedit (какой алтарь воздвигнет себе тот, кто оскорбит величие разума), как впоследствии говорил Спиноза» [6, с. 269].

Шестов, цитируя Даминиани[2], указывает на разницу между иерусалимовской верой и афинским логосом, на разницу между религиозной и умозрительной философией и на недопустимость рационализации веры. Для Иерусалима «Верую, чтобы понимать» недопустимо. Допустимо лишь лютеровское «Sola fide» и кораническое سَمِعْنَا وَأَطَعْنَا (*перевод А. Мумджи.*: мы Тебя, Господь, услышали, и Тебе мы повинуемся) (Коран, 2:285).

Вера во всемогущего Бога освобождает человека от (сугубо) рационального взгляда на мир. Для человека, уверовавшего во всемогущего Бога, невозможное становится возможным. В работах Шестова часто повторяется «Для Бога возможно все». Молитва не сделает человека бессмертным, не излечит от смертельного заболевания. Однако молитва и вера даруют человеку свободу просить невозможное и выйти за пределы рационального мышления. Индивид обретает смелость молить Господа о невозможном, тем самым бросая вызов миру и рациональному (позитивистскому) взгляду на мир. Разницу между индивидом, имеющим смелость верить, и индивидом, плененным Ананке, Шестов описывает следующим образом: «Псалмопевец мог взывать к Господу, но человек, qui sola ratione ducitur (который руководится только разумом), твердо знает, что взывать из пропасти к Богу бесполезно: взывания не приведут ни к чему» [6, с. 13–14].

Шестов описывал веру как **«второе измерение мышления»**: «У Авраама его вера была новым, дотоле неизвестным миру измерением мышления, не вмещающимся в плоскость обыденного сознания и взрывающим все “принудительные истины”, подсказываемые нам нашим “опытом” и нашим “разумением”. Но только такая философия может быть названа иудейско-христианской: философия, ставящая себе задачей не приятие, **а преодоление** самоочевидностей и вносящая в наше мышление **новое измерение** – веру. Ибо только при этих условиях осуществляется представление о Творце как об источнике и господине не только над реальным, но и над идеальным бытием, как того добивалась и должна была, по словам Жильсона, добиваться иудейско-христианская философия. Оттого иудейско-христианская философия не может принять ни основных

[2] *Жизнь христианина имеет единственную цель – обрести спасение. Спасение обретают верой. Применить разум к вере – значит разрушить ее… Словом, именно дьявол внушил человеку жажду знания, и именно в этой жажде причина первородного греха, источник всех наших зол (фр.) [1, с. 269].*

проблем, ни первых принципов, ни техники мышления рациональной философии. Когда Афины провозглашают urbi et orbi: Si vis tibi omnia subjicere, te subjice rationi, Иерусалим слышит в этом: “Все это дам тебе, если, падши, поклонишься мне” – и отвечает: “Отойди, Сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Одному служи”» [6, с. 330–331].

Слепая покорность Господу бесконечно далека для эллинистического, рационалистического и позитивистского разума. Вера есть подчинение приказу Творца. Вера означает, повинуясь приказу Божьему, идти, даже если не знаешь, куда путь приведет. Шестов писал: «Вера – источник жизни у пророков и апостола, вера – источник понимающего знания у просвещенных греками философов Средневековья: как не вспомнить о двух деревьях, насаженных Богом при сотворении мира в Эдемском саду? И чтобы погасить все сомнения о том, какие места на иерархической лестнице ценностей занимают вера и знание, апостол, почти непосредственно вслед за приведенными словами Исаии, пишет: «Верою Авраам повиновался зову Бога идти в страну, которую имел получить в наследие, **и пошел, не зная, куда идет** (Евр. II, 8). **Полная противоположность тому, чему учили греки»** [6, с. 274].

«Второе измерение мышления» руководствуется категориями, чуждыми и неясными для рационального взгляда на мир. Там, где разум говорит “Нет”, второе измерение мышления говорит “Для Бога все возможно, вперед!”».

Шестов сравнивает разум с Медузой [6, с. 42]. Стоит обернуться – и окаменеешь. Сердце отдалится от мистической составляющей религиозной веры. Человек, принявший авторитет ratio в сфере веры, теряет свободу, дарованную верой. Многие философы обернулись, приняли платоновское «**закон – царь над всеми** смертными и **бессмертными**» и пришли от «Верую, ибо абсурдно» к «Верую, чтобы познать».

«Кант, как и те, кто к нему шел – Фихте, Шеллинг, Гегель, – много и вдохновенно говорили о свободе, но, как только действительная свобода представала пред ними, они приходили в ужас и окаменевали, точно это была не свобода, а обвитая змеями голова Медузы» [6, с. 349–350].

«Второе измерение мышления» позволяет человеку мечтать и просить у Бога невозможного. «Второе измерение мышления» или вера дарует человеку освобождение от цепей ratio, дарует возможность бросить вызов миру и порядку Ананке.

V.

В исламской традиции понятие «якин» имеет несколько значений: смерть, точность, уверенность, безошибочность в вопросах веры и истинная вера. В хадисах «якин» имеет значения: «верить и знать, не сомневаясь», «полная/ истинная вера», «смерть или неизбежность смерти». В некоторых хадисах говорится, что Мухаммед называл «якин» самой ценной вещью, дарованной людям, и молил Аллаха, чтобы Он даровал ему веру и «якин» [13].

Профессор Карадаш определяет «якин» как «душевный покой и решимость, свободные от сомнений» [11, с. 122].

В Коране «якин» встречается в разных формах и значениях 28 раз [13]. Большинство значений «якин» можно объединить вокруг терминов «точность» и «истинность». Рассмотрим на примере из Корана одну из возможных интерпретаций термина «якин». وَاعْبُدْ رَبَّكَ حَتَّى يَأْتِيَكَ الْيَقِينُ (Коран, 15:99). На русский язык данный аят можно перевести следующим образом (*перевод на русский А. Мумджи*): «Поклоняйся своему Господу, пока к тебе не придет твердая вера/ твердая убежденность». Профессор Карадаш переводит этот аят следующим образом: «Поклоняйся своему Господу, пока к тебе низойдет якин». «Якин» в этом аяте (стихе) он толкует как «конкретную истина или знание об истине» [11, с. 124]. Толкователь Корана Ибн Касир толкует в этом аяте «якин» как смерть [15, с. 426–427]. В переводе на английский Абдуллах Юсуф Али переводит «якин» как certainty («точность»), The Hour that is Certain («час, который неизбежен») и death («смерть») [9, с. 635].

Так что же такое «якин»? Смерть, вера или полная вера? Вера и смерть взаимосвязаны. Смерть и страх перед загробной жизнью – один из факторов, толкающих человека к вере. «Якин» можно интерпретировать как «полную/истинную веру и знание о неизбежности смерти». Мухаммед молил Аллаха даровать ему веру и «якин». Беря во внимание, что в хадисах «якин» и «иман» (вера) упоминаются как два разных феномена, не будет верным ставить равенство между «иман» (вера) и «якин». Вера подразумевает под собой возможность присутствия некоторых сомнений и колебаний. «Якин» же лишен каких-либо колебаний.

Для верующего человека «якин» – это благо, это жизнь без оглядки назад (без оглядки на разум в вопросах веры). «Якин» – это твердая убежденность в истинности веры и религиозного учения, подкрепленная неизбежностью смерти и Дня Воздаяния.

Заключение

Понятие «якин» исламской традиции можно интерпретировать как твердую веру, несокрушимую веру и твердую убежденность. Обладатель такой веры способен просить у Бога невозможного. Для «якин» не существует ограничений разума – возможно все, ибо Аллах абсолютно Всесилен и Его Воля ничем не ограничена. Возможно, именно такую веру без оглядок, без besinnung на разум и науку искал Шестов. «Второе измерение мышления» Шестова, где ratio не властен над человеком, является феноменом, освобождающим человека от ограничений разума в сфере метафизики. «Якин» тоже освобождает человека от сомнений, порождаемых разумом касательно метафизических аспектов религии.

«Якин» и исламская традиция не ставит своей задачей полный отказ от рационализма и разума. Мы утверждаем, что для веры иррациональное имеет большее значение, чем рациональное. Надежда на спасение, неизбежность смерти и неизвестность того, что будет после смерти, для индивида имеет больший вес, чем рациональные обоснования веры. На наш

взгляд, ничем не ограниченная рационализация веры ведет к ее искажению и упразднению. Ничем не ограниченная рационализация веры открывает путь к дегуманизации и постгуманизации человека.

Шестов не стремился полностью вычеркнуть рациональную составляющую из жизни и веры индивида [10, с. xxxvi–xxxviii]. Он стремился очистить веру от логоса в гераклитовском понимании. От логоса, для которого человек – это детерминизированная часть вселенной [12, с. 297]. Именно такое понимание логоса ограничивает Бога теодицеями и лишает человека смелости просить у Господа невозможного. Именно такой подход отдаляет человека от коранического «якина» и «второго измерения мышления» Шестова.

Список литературы:

1. Благовещенский А. Почти как люди. Обезьяна научилась пользоваться Instagram, 2018 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2019/04/26/sovsem-kak-my-obeziana-nauchilas-polzovatsia-instagram.html.
2. Бонецкая Н.К. Лев Шестов как Богослов: теология «Великой и Последней Борьбы» // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. – 2014. – Вып. 2 (52). – С. 78–97.
3. Межуев Б.В. Лев Шестов – по ту сторону истины и добра// Соловьёвские исследования. – 2021. – Вып. 2 (70). – С. 181–189.
4. Морева Л.М. Лев Шестов. – Издательство Ленинградского университета, 1991. – 88 с.
5. Фархитдинова О.М. Концептуализация национальной идентичности // 90 лет Виктору Владимиру Петровечу: материалы круглого стола «Религия и религиоведение на Урале»: сб. статей. – ООО Издательство «Деловая книга», 2018. – С. 47–53.
6. Шестов Л. Афины и Иерусалим. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 414 с.
7. Шестов Л. Сочинения в двух томах. Т. 2 // Вопросы философии. – Наука, 1993.
8. Шестов Л. Сочинения в двух томах. Т. II. – Томск : Водолей, 1996. – 448 с.
9. Abdullah Yusuf Ali. The Holy Qur'an Text, Translation and Commentary, New Revised Edition. – Amana Corporation Brentwood, Maryland, U.S.A.
10. Bernard M. Introduction // L. Shestov. Athens and Jerusalem, Second Edition. – Ohio University Press, 2016. – C. i–xlv.
11. Cağfer Karadaş. Yakin ve İtikad // T.C. ULUDAG ÜNiVERSITESi İlAHİYAT FAKÜLTESİ. – 2001. – Cilt: 10, Sayı: 1. – C. 113–126.
12. Hülsz Enrique. 10. Heraclitus on Logos: Language, Rationality and the Real // Doctrine and Doxography: Studies on Heraclitus and Pythagoras, edited by David Sider and Dirk Obbink. – Berlin, Boston : De Gruyter, 2013. – P. 281–302.
13. Osman Demir. YAKĪN // TDV İslâm Ansiklopedisi / [Электронныц ресурс]. – Режим доступа: https://islamansiklopedisi.org.tr/yakin.
14. Tabachnikova O., Sestov L. Duality' in Life and Thought at the Time of the Rift of the Socio-Cultural Paradigm // Studi Slavistici. – 2019. – № 1. – P. 177–201.
15. Tafsir Ibn Kasir (Abriged). Volume 5. – Maktaba Dar-us- Salam, 2003. – 624 c.